

слала депешу, не сказавъ объ этомъ мужу, изъ гостинницы „Дрезденъ“, гдѣ они стояли.

Тѣсная передняя вела прямо въ большую комнату, въ три окна, выходившія на улицу. Она была полна, въ эту минуту, свѣта, отраженнаго бѣлыми, лоснящимися обоями, золотыми багетами и мебелью въ бѣлыхъ же чехлахъ.

Они застали Ногайцева въ дверяхъ спальни, полуодѣтаго; онъ поправлялъ широкія подтяжки съ шелковымъ шитьемъ и былъ въ панталонахъ и чистой крахмальной рубашкѣ; видимо, одѣвался для выѣзда.

Лукашинъ сидѣлъ у окна, весь въ своей чичунчѣ и съ папирсой. Съ прошлаго лѣта онъ только слегка потолстѣлъ въ лицѣ. Мартына Лукича никто бы не принялъ сразу за недавняго пациента лечебницы для душевно-больныхъ; красное, салютное, въ пятнахъ и подтекахъ лицо, рѣдкая, съ просѣдью, широкая борода, вздернутый жирный носъ, подстѣпыватые, слезливые глазки и лысина съ курчавыми вихрами на вискахъ, все отзывалось чѣмъ-то обычнымъ, бытовымъ и чисто-московскимъ, по чертамъ и окраскѣ: наружность и выраженіе лица—прямо изъ любого клуба или загороднаго ресторана; также и его широкая, ожирѣлая осанка, круглая спина, средній ростъ и по-дворянски разставленные ноги въ сѣрыхъ панталонахъ, скроенныхъ, по модѣ шестидесятыхъ годовъ, очень широко.

Въ обѣихъ комнатахъ запахъ стоялъ тѣхъ же годовъ: смѣсь папирсы „mariland doux“ съ мускусомъ.

— А-а! — зычно и хрипло крикнулъ Ногайцевъ, увидавъ Зину. Она вошла первая.—И супругъ грядетъ? Его-то мнѣ и нужно! Полковникъ!—онъ его называлъ „полковникъ“, зная, что онъ только подполковникъ:—вы свободны?

— Какъ, куда?—отъ дверей отвѣтилъ Рынинъ.

— Да куда повезу! Вы мнѣ общали нынче со мной въ разныхъ значныхъ мѣста... Couleur locale, mon cher, а то вы очень ужъ торжественны... Здравствуй, Зина.

Ногайцевъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Она нагнулась немножко, но ни къ рукѣ, ни къ плечу его не приложилась. Ей стало сейчасъ же жутко отъ того, что Мартынъ Лукичъ, нисколько не конфузясь, продолжалъ поправлять на правомъ плечѣ одну подтяжку и дѣлалъ гримасу отъ напряженія, морщилъ правую щеку. Она подала руку Лукашину и тутъ же присѣла къ окну, въ такой позѣ, точно она пріѣхала очень утомленной.

— Къ вашимъ услугамъ,—чуть слышно выговорилъ Лукашинъ.